

Книга в каролингской культуре

Каролингская культура — по-настоящему книжная культура. Со времен поздней Античности в VI, VII и X веках мы не наблюдаем ничего даже близко подобного тому, что наблюдаем во второй половине VIII — IX веке в отношении книги: в том, какую роль книга занимает в культуре, какие сложные коммуникации выстраиваются вокруг книги, в какие процессы она вовлечена и так далее. Интерес к книге в Каролингскую эпоху с гораздо общими, базовыми, сущностными вещами для Каролингской эпохи. Я имею в виду государственную идеологию, которая складывается к концу VIII века, в первой половине IX века она вполне себя являет выражено миру того времени.

Речь о том, что при дворе Карла, в кругу его ближайшего окружения, к концу VIII века постепенно утверждается представление о том, что Каролингская империя — это последняя империя, в сущности это империя конца времен. И ее главная принципиальная задача заключается в том, чтобы предуготовить мир, предуготовить подданных, которых эта империя объединяет ко второму пришествию, к Страшному суду. Что значит предуготовить? Утвердить их в христианской вере, сделать так, чтобы как можно больше людей исповедовало христианство, разделяло христианские взгляды, было готово к главному событию в земной истории. Соответственно, главным инструментом, основанием, камнем, если хотите, который лежал в основании этого фундамента, была Библия.

Главное заключается в том, что в какой-то момент в кругах каролингских элит складывается представление о том, что нужно добиться как можно более правильного понимания смысла этого главного текста в истории человечества. Для этого нужно было в достаточной мере освоить латынь. Латынь все-таки в VIII столетии не была языком, конечно, мертвым: ею пользовались, было достаточно много людей, которые говорили на латыни, которые писали на латыни, но все-таки это был язык умирающий, скажем так. Хотя она умирала еще несколько столетий после эпохи Каролингов, но тем не менее. Знаменитая Страсбургская клятва, которую Карл II Лысый и Людовик II Немецкий принесли друг другу, клянясь друг другу в верности, была произнесена не на латыни, а на старофранцузском и старонемецком языках, ровно для того, чтобы воины, которые стояли за их спинами, понимали суть этой клятвы. Это о многом говорит, и это очень важное явление.

Так вот, нужно было освоить латынь. И Карл начал с азов, с того, что привел в свою империю, к своему двору учителей, которые были способны написать правильные, нормальные, доступные, понятные учебники по грамматике, которые могли бы учить, могли бы объяснять, могли бы натаскивать в латыни в самом широком смысле слова. Отсюда вытекают всякие другие вещи, отсюда вытекает интерес к латыни, который, в общем-то, трансформируется в интерес к латинской литературе, потому что как можно выучить латынь? Только лишь заучив правила? Нет, ничего подобного. Нужно было начитывать определенный круг текстов, нужно было набирать лексику, нужно было

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может
рассказать каролингская книжная миниатюра | 2
понимать, как этот язык жил. Не то, как он живет сейчас, потому что каролингская латынь все-таки другая, чем классическая. А нужно было понимать ту латынь, на которой писал и святой Иероним, и те, кто был до него, прежде всего те, для кого этот язык был родным. Нужно было изучать этот язык с помощью книг. И в какой-то момент возникает понимание того, что для этого годится почти любая литература, написанная на латыни. И с этим связан такой всплеск интереса к латинской литературе в Каролингскую эпоху.

Вдруг мы видим, как из монастырей, из каких-то старых собраний, непонятно откуда вынимаются старые, истлевшие рукописи. Они переписываются, копируются, тиражируются, распространяются, изучаются, заучиваются, комбинируются. Каролингские эрудиты пробуют творить, подражать своим античным предшественникам, пробуют писать так же, как они это делали, пробуют сочинять так же, как они это делали, использовать их фразы, их слова, заимствовать их языковые конструкции, чтобы описывать собственную реальность либо сочинять литературные произведения. Это объясняет, почему в конце VIII и особенно в IX веке мы видим огромное количество переписанных, скопированных и сохраненных латинских текстов. Это же известная вещь, что почти всегда самая ранняя рукопись какого-нибудь видного античного писателя датируется Каролингской эпохой. Совсем немного, почти ничего не осталось от эпохи предшествующей.

Рукописей осталось мало от V — середины VIII века, может быть, несколько сотен манускриптов всего лишь. А вот от середины VIII до конца IX века их уже несколько тысяч. Это в разы больше, чем до того. С другой стороны, пришло понимание того, что для этого годится практически любая аутентичная латинская книга, любое аутентичное латинское сочинение, в котором может быть крупица знания — не в смысле морального знания, а в смысле филологического, лингвистического. Там может быть какое-то слово, которого нет в других текстах, но которое можно забрать и использовать. Там есть, например, какое-то выражение, в рамках которого это слово трансформируется и обретает новые смыслы, и это тоже важно запомнить и понять, потому что это в конечном счете работает на сверхзадачу, на то, чтобы понимать разные уровни смыслов главного текста, главной книги — Библии.

В Каролингскую эпоху существует представление, что текст имеет три уровня смыслов: смысл буквальный, смысл символический и смысл тайный. Смысл буквальный — это проще всего, это многим понятно, многим доступно. Смысл символический требует некоторой подготовки, чтобы уметь прочитывать все это. А смысл тайный — анагога, как его называли иногда по-гречески, — постигать могли лишь немногие. Для этого нужно было много знать и прежде всего блестяще владеть латынью.

Именно поэтому в Каролингскую эпоху переписывают не только Отцов Церкви, латинских историков и писателей, но и тексты, с моральной точки зрения не очень, наверное, подходящие, например «Метаморфозы» Овидия, какие-то достаточно откровенные вещи, с одной стороны, а с другой стороны, в Каролингскую эпоху

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может рассказать каролингская книжная миниатюра | 3

сохранилась, была переписана кулинарная книга Габия Апиция. Казалось бы, для чего это сделано? А рукопись блестяще исполнена Лупом Ферьерским, он ее переписал для Карла II Лысого. Рукопись вообще не имеет никакого отношения ни к философии, ни к науке, ни к чему, но она имеет отношение к языку, потому что в этом тексте тоже могли быть какие-то крупинки полезного знания. Такие вещи многое объясняют в каролингской культуре. В итоге появляются блестящие латинисты, люди, которые отлично владеют языком: Алкуин, Теодульф Орлеанский, Эйнхард, Луп Ферьерский, многие другие, которые способны создавать собственные оригинальные тексты, писать собственные книги.

И вообще книга для них становится в известном смысле предметом культа: ее любят, ее хотят, ее ищут, ее покупают, ее воруют, чтобы ею обладать, ее дарят. Это же феномен, который в предшествующую эпоху почти не прослеживается, мы почти ничего об этом не знаем. А в Каролингскую эпоху подарок в виде книги, в виде красиво исполненного манускрипта государю — это важная вещь, это некий ритуал, и это тоже много говорит о каролингской культуре, гораздо более, чем многие-многие другие вещи. Со стремлением как можно лучше понимать текст связано и другое очень важное явление в каролингской культуре — появление нового почерка, который больше известен как каролингский минускул. Это очень ясное, понятное письмо, которое приходит на смену самым разным способам писать, унаследованным от предшествующего времени, далеко не всегда понятным, трудным, визуально сложным для восприятия.

В Каролингскую эпоху текст в буквальном смысле слова обретает ясность, он становится физически понятным, вы можете разбирать слова, вам не требуется много времени, чтобы разбирать буквы. Вы не тратите сил на то, чтобы читать текст, а вы тратите его на то, чтобы понимать текст. Это тоже совершенно другое явление. Этот шрифт оказался страшно популярным, и им пользовались на протяжении столетий. Многие шрифты основывались на его базе, вплоть до современного шрифта Times New Roman, которым мы пользуемся в своих компьютерах. То есть это вещь, конечно, важная, безусловно.

Кроме того, книга в какой-то момент стала платформой, на которой отрабатывались новые формы взаимодействия между людьми. Например, в Каролингскую эпоху, прежде всего с первой четверти IX века и дальше, в каролингских монастырях начинают создаваться блестяще иллюстрированные кодексы. Текст сопровождается не просто какой-то одной или двумя картинками, вполне традиционными для предшествующей эпохи (например, изображением Давида в начале Псалтыри или изображением Христа, евангелистов в начале Евангелия или и тех и других), а рядом изображений, которые несут совершенно определенный месседж, который создатели этого визуального ряда вкладывают и отправляют читателю, своему главному читателю, прежде всего королю, тому, кому эта книга адресована, кому она дарится.

Мы не всегда способны правильно прочесть этот язык, но если эта коммуникация осуществлялась, если эти книги преподносились в дар, например, каролингскому

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может
рассказать каролингская книжная миниатюра | 4
монарху, то это означает одно: эти люди были готовы к тому, чтобы это прочитать, они понимали, как это делать, они понимали, какой месседж заложен в эту книгу, где есть и текст, и иллюстрации, понимали, какой урок им хотят преподнести. Это, конечно, удивительная вещь — этот инструмент визуального языка, который ложится на письменный текст, который взаимодействует с письменным текстом и составляет удивительный культурный симбиоз.

Источник — «Постнаука»

Что может рассказать каролингская книжная миниатюра

В начале октября 833 года в Компьене собрался цвет каролингской аристократии. Повод оказался наисерьезнейший. Над великим императором франков Людовиком Благочестивым устроили суд. Его обвиняли в многочисленных нарушениях клятв, в пренебрежении интересами страны, в незаконных преследованиях оппонентов, в несправедливом суде и, наконец, в кровавой междоусобной войне, развязанной Людовиком против собственных детей. По мнению судей, тяжесть грехов императора оказалась слишком велика, чтобы он мог и дальше оставаться на троне. В итоге его отстранили от власти и заставили публично покаяться в содеянном. Людовик же все принял с истинно христианским смирением.

Поразительно, но современники (а многие были искренне возмущены произошедшим) не особенно вдавались в детали этой истории. Известно, что инициатива в осуществлении детронизации исходила от западнофранкских епископов. Процессом руководил архиепископ Реймса Эббон, один из самых влиятельных церковных иерархов империи [1]. Судьи хорошо подготовились и даже заранее составили книжицу со списком обвинений [2]. В один из дней Людовика привели в церковь, где под пение молитв заставили пасть ниц перед алтарем, выслушать все претензии и громко признаться в каждом прегрешении. Из путаных и скудных описаний следует, что с императора также сняли царские одежды и облачили его во власяницу, готовя к покаянию и, возможно, к отлучению [3]. А перед этим лишили меча, что, по словам одного автора, было просто неслыханно (*inaudita*) [4]. Агобард Лионский, принимавший непосредственное участие в церемонии, утверждает, что «бывший император» (*quondam imperator*) сам снял перевязь и положил ее на алтарь [5].

Заканчивая фактическую часть этой печальной истории, добавлю, что намерения высокопоставленных прокуроров, за спиной которых маячила фигура императора Лотаря, старшего сына Людовика, успехом не увенчались. Не прошло и полгода, как Людовика восстановили на троне. Вероятно, потому, что в отношении легитимности совершенной детронизации среди франкской знати, особенно к востоку от Рейна, даже близко не наблюдалось никакого консенсуса. Церемония проводилась в Сен-Дени в присутствии Людовика Немецкого, среднего сына императора, и получилась не менее торжественной. А ее ключевым элементом стало возвращение меча [6]. Если верить

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может
рассказать каролингская книжная миниатюра | 5
словом человека из ближайшего окружения Людовика Благочестивого, император сам
настоял на этом: он де будет считать себя прощенным, только если вновь получит
оружие из рук епископов [7].

Казус Людовика уникален. В обозримой ретроспективе не найти ничего подобного. Остановимся лишь на одном, но, как представляется, самом важном элементе чисто ритуального аспекта — мече. Его сложная и многогранная символика неплохо описана в современной науке, и тем не менее сама по себе она мало что объясняет [8]. Вручение меча королю епископом как элемент обряда коронации определенно прослеживается с начала X века. Но еще в первой половине IX века франкские правители сами опоясывали преемников и даже корону с алтаря брали собственными руками, не допуская к ней священников [9]. Понятно, что в нашем случае речь идет о первой в западноевропейской истории серьезной попытке церкви не просто установить идеологический и моральный контроль над светским мечом, но перенести это в плоскость реальной политики. Какова внутренняя логика данного случая? К сожалению, письменные тексты не слишком проясняют ситуацию. Наверняка многое проговаривалось устно и далеко не все попадало на пергамент. Зато неожиданно много мы можем узнать, если обратимся к совершенно другому типу источников, а именно к каролингской книжной миниатюре. И даже более конкретно — к изображениям государей, ветхозаветных и современных [10]. Насколько я могу судить, в таком ключе «казус Людовика» еще никем не рассматривался.

Изображения царей почти не встречаются во франкских рукописях вплоть до первой четверти IX века, а королей-современников там и вовсе нет [11]. Однако с начала 820-х годов в западной части франкского мира (и только там!) ситуация резко меняется. Изображений становится неожиданно много, а иные, вполне возможно, претендуют на портретное сходство [12]. Изображения помещены главным образом в кодексы с важнейшими религиозными текстами (Библия или ее части, sacramentary). В иконографии отдельных рукописей отражена совершенно определенная идеологическая программа или, точнее, программы, которые активно разрабатывались в среде западнофранкского епископата. Эти программы формировали облик «правильного» (идеального) и «неправильного» государя, а также формулировали порядок взаимоотношения светской и церковной власти. Королевскому мечу здесь отведена чрезвычайно важная и куда более четко прописанная роль.

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может



*Портрет императора
Лотаря в Псалтыри.
London, British Museum, Add.
37768, fol. 4r*

рассказать каролингская книжная миниатюра | 6
Авторы IX века, хорошо осведомленные о правилах жизни при дворе, солидарны в том, что меч являлся важнейшим королевским атрибутом и что государь постоянно носил его на поясе, разве что в особо торжественных случаях надевалось более дорогое оружие [13]. Однако среди десятка изображений каролингских государей, сохранившихся до нашего времени, мы находим только одно, где восседающий на троне король опоясан мечом и держится рукой за его рукоять. Речь идет о портрете императора Лотаря в Псалтыри, созданной в придворной мастерской между 840 и 855 годами [14].

Во всех остальных случаях ситуация совершенно иная. Меч изображается отдельно от государя. Как правило, он находится в руках специального человека, стоящего где-то возле трона. Но и это еще не все. На миниатюрах каролингские правители настойчиво убирают от меча руки и даже не смотрят на него. Это можно было бы посчитать случайностью или прихотью художника, если бы такая ситуация не являлась общим правилом для западнофранкских иллюминированных рукописей [15]. Остается лишь удивляться, почему современные исследователи до сих пор не обратили внимания на данное обстоятельство.

Так, в Библии Вивиана (или первой Библии Карла Лысого), созданной в Туре около 845 года, на миниатюре

с изображением Карла Лысого меченосец стоит слева от трона [16]. При этом король смотрит в другую сторону и вдобавок протягивает свою правую руку к кодексу, который ему преподносят турские монахи. Можно было бы подумать, что в этом все дело.



*Миниатюра с изображением Карла
Лысого. Библия Вивиана (или первая
Библия Карла Лысого). Paris, BN lat. 1,
fol. 423r*

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может

рассказать каролингская книжная миниатюра | 7

Однако в той же рукописи имеется изображение Давида, которого художник явно не случайно наделил чертами портретного сходства с королем франков (fol. 215v). Здесь нет никакого подарочного кодекса и даже трона, ибо Давид изображен танцующим, но меченосец все равно стоит слева от царя, демонстративно от него отвернувшегося.

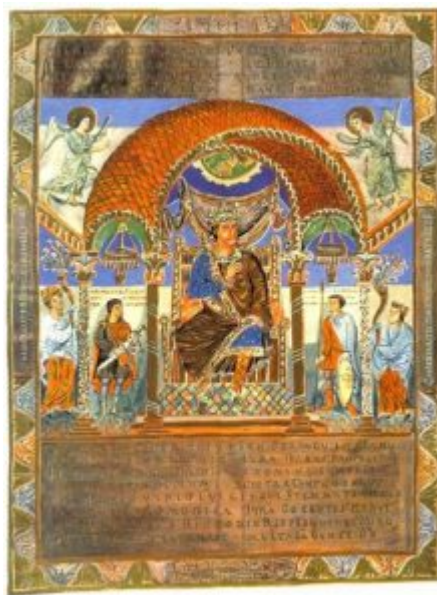
На миниатюре в Четвероевангелии из Сен-Дени, созданном около 870 года, Карл уже не просто

демонстративно отвернулся от воина с мечом, но даже убрал подальше правую руку [17].

Аналогичным образом король ведет себя и на миниатюре в Библии Сан Паоло фуори ле Мура, изготовленной в Реймсе между 870 и 875 годами [18]. Более того, миниатюрист подчеркивает, что именно так поступали и древние цари, например Соломон (fol. 188v). На этом изображении воин с мечом пересекает сакральное пространство трона, обычно зарезервированное исключительно за государем, но Соломон характерным жестом убирает руку, показывая, что предпочитает вершить суд, опираясь на Закон, а не на насилие.

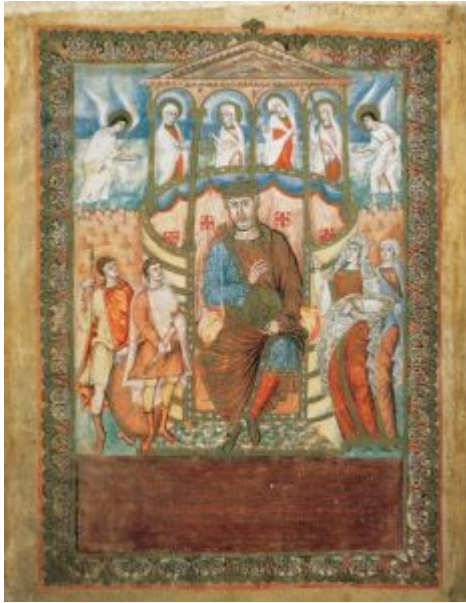


Paris, BN lat. 1, fol. 215v



*München, Bayerische
Staatsbibliothek, Clm. 14000,
fol. 4v*

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может



Roma, San Paolo fuori le Mura,
fol. 1r

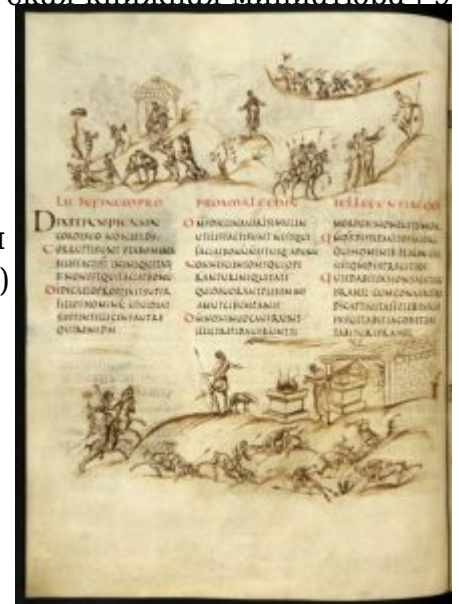
рассказать каролингская книжная миниатюра | 8
Семантика меча сложна и многогранна. Меч представляет собой не только символ королевской справедливости и защиты, но также и атрибут насилия, пусть даже и осуществляемого ради справедливости. Это опасный предмет. Во всяком случае, западнофранкский епископат относится к нему с явным подозрением. В IX веке многие каролингские эрудиты (Смарагд Сен-Мишельский, Эрмольд Нигелл, Иона Орлеанский, Седулий Скот, Луп Ферьерский) настойчиво проводят мысль о том, что власть короля есть служение (*ministerium*), которое король осуществляет не насилием, но смирением, что социальный порядок король поддерживает собственными добродетелями, тем, что совершает нравственные поступки под руководством епископов [19]. Пожалуй, наиболее отчетливо эту мысль сформулировал Иона Орлеанский в *De institutione regia*, а еще раньше — в постановлениях Парижского синода 829 года: «Королем зовется тот, кто поступает правильно. Если король правит набожно, справедливо и милосердно, он заслуживает того, чтобы называться королем. Если он пренебрегает этими качествами, он не король, а тиран» [20].

Каролингский государь почти епископ, он принимает помазание и осуществляет служение тем, что ведет свой народ к вечной жизни. В эту королевскую этику, созданную епископами, меч не очень-то вписывался. То, что Жан Флори удачно назвал «рыцарским» аспектом функций короля [21], все более настойчиво отодвигается в тень. Самым наглядным проявлением указанной тенденции было то, что король и его меч на изображениях начинают расходиться.

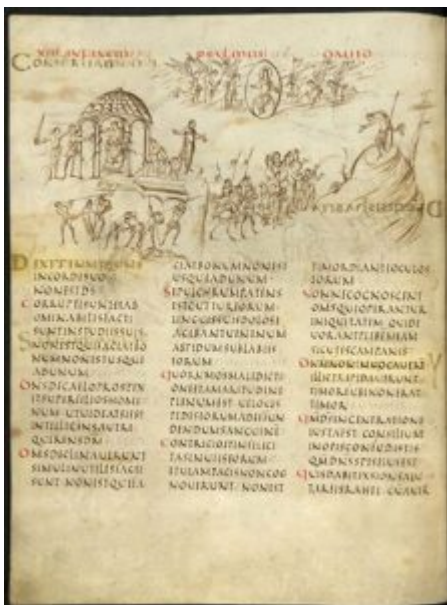
В художественном плане представление о том, что меч в руках правителя символизирует опасность и даже преступность намерений,

наиболее последовательно реализовывалось в иллюминированных рукописях из реймской мастерской. Первым шагом в данном направлении можно считать изображения «плохих» королей, которые помещены на страницах знаменитой Утрехтской Псалтыри, созданной около 823 года при архиепископе Эббоне [22]. Таковых мы находим, например, на иллюстрациях к псалмам 13 (fol. 7v) и 52 (fol. 30v), содержащих один и тот же текст о «безумце», отвергающем Бога в сердце своем (*Dixit insipiens*).

Оба государя восседают на троне и крепко сжимают мечи, но держат их перпендикулярно телу и в правой руке, то есть применяют их. При этом общая тональность визуального ряда крайне негативно характеризует правителей. Они благословляют кровопролитие, а дурные советники приносят им отрубленные головы невинно убиенных. На иллюстрации к псалму 13 государь остается глух к мольбам матери с детьми, которая взывает к нему с просьбой о пощаде, а возле его трона ползают змеи. Вдобавок оба правителя сидят спиной к Богу. Таким образом, *insipiens* из текста псалмов представлен здесь в образе дурного короля, того, кто совершает несправедливость, проявляет насилие в отношении слабых и беззащитных.



Utrecht, Bibliotheek der
Rijksuniversiteit, Cat. Cod.
Ms. Bibl. Rhenotraiectinae 1,
fol. 30v



Utrecht, Bibliotheek der
Rijksuniversiteit, Cat. Cod.
Ms. Bibl. Rhenotraiectinae 1,
fol. 7v

В самом начале Псалтыри перед знаменитым псалмом *Vir beatus* безымянный дурной король изображен с обнаженным мечом в правой руке, при этом меч направлен острием вниз, то есть используется неправильно. Слева от короля стоит демон, являющий собой недвусмысленную аллюзию на дурных советников. Напротив, немного поодаль, восседает блаженный муж, тот, который изучает божественный закон, а за его спиной стоит ангел. Таким образом, плохой король — тот, кто отдалился от закона Божьего. Художественными средствами здесь выражаются те же идеи, которые спустя несколько лет были сформулированы в постановлении Парижского синода 829 года.

Подчеркну еще раз, что в соответствующих местах Псалтыри ничего не говорится о королях. Иллюстрация

этих фрагментов текста при помощи образов дурных государей, несомненно, является сознательным решением куратора — архиепископа Эббона. Манипуляции с мечом прослеживаются и в других кодексах, вышедших из той же мастерской. В Псалтыри графа Генриха, созданной при Эббоне в 830-е годы, в сцене, иллюстрирующей историю Саула, Давида и Ахименека, неправедный Саул на троне также держит меч неправильно — перпендикулярно телу, направив острие в сторону собеседника и вдобавок схватившись рукой за лезвие [23]. Иными словами, реймские художники стремятся показать, что меч в руках неправедного короля становится опасен, в том числе и для самого его обладателя.



*Utrecht, Bibliotheek der
Rijksuniversiteit, Cat. Cod.
Ms. Bibl. Rhenotraiectinae 1,
fol. 1v*

В Реймсе эта специфическая традиция символики меча сохраняется, по крайней мере, до начала 870-х годов, более того, получает дополнительные коннотации. Об этом убедительно свидетельствуют миниатюры в Библии Сан Паоло фуори ле Мура.

В сцене беседы фараона с Моисеем и Аароном, где было явлено чудо превращения посохов в змей (Исход, 7: 1-13), фараон «с ожесточенным сердцем» смотрит на Моисея, но тянется правой рукой к мечу, который держит его меченосец (fol. 21v). Ни на одном каролингском изображении праведных библейских царей либо франкских правителей мы не встретим такого жеста.

Эта тема получает совершенно неожиданное развитие на миниатюре, где изображена история Юдифи и Олоферна (fol. 234v). В центральном регистре мы видим Олоферна в образе государя, хотя в тексте (Юдифь, 2:4) он назван только военачальником (*princeps militiae*). Он восседает на троне под балдахином, одет в плащ и увенчан короной. Рядом с тронном стоит меченосец. Здесь есть одна принципиальная деталь, которую замечаешь, только если специально обращаешь на нее внимание: меченосец на самом деле держит пустые ножны [24]. Возникает вопрос: куда же подевался меч? Ответ находится в нижнем регистре: он в руках у Юдифи, совершившей праведное дело (отрубившей голову Олоферну), восстановившей справедливость и доказавшей своим поступком всемогущество Бога. По сути, она и есть орудие Господа, покаравшее грешника.

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может
рассказать каролингская книжная миниатюра | 11

Попробую предложить следующее прочтение миниатюры:
Олоферн (в данном случае он также являет собой
собирательный образ несправедливого государя, грешника и
безбожника) утратил свой меч — символ справедливого
суда — еще до прихода Юдифи. Таким образом, в Библии
Сан Паоло фуори ле Мура по сравнению с Утрехтской
Псалтырью отношение к королевскому мечу становится
куда более непримиримым.



*Сан Паоло фуори ле Мура,
fol. 234v*

На fol. 83v изображена история жизни Саула, первого
царя иудеев, изложенная в Первой Книге Царств. В

нижнем регистре
мы видим сцену
самоубийства
Саула, которая
изображалась
крайне редко. Мне
кажется, художник
выбрал для
иллюстрации этот
эпизод ровно для
того, чтобы
показать: меч
государев, как
символ высшей
справедливости,
может обратиться и
против своего
носителя, а
грешник, как и в
случае с
Олоферном, будет
наказан
собственным
оружием, даже
если он помазанник
Божий. Строго над
сценой
самоубийства мы
видим Давида,
который только что
обрел меч в битве с
Голиафом. Это знак
его будущего



Самоубийство Саула, fol. 83v

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может
 рассказать каролингская книжная миниатюра | 12
 восхождения на
 трон, тем более что
 Давид к тому
 моменту уже был
 тайно помазан
 Самуилом. Таким
 образом, здесь
 представлен тот же
 мотив неизбежной
 утраты дурным
 правителем своего
 меча и перехода
 его в руки
 праведника, только
 выраженный
 иными
 художественными
 средствами.

Для сравнения посмотрим, как пользуется своим мечом добрый государь. На fol. 93v изображен царь Давид, приказавший умертвить некоего юношу амаликитянина, который заявил, что именно он убил Саула, помазанника Божия, а корону его принес Давиду (Вторая Книга Царств, 1: 1-13). Эта сцена столь же уникальна для каролингской иконографии, как и самоубийство Саула. На миниатюре убийство



Давид на троне, fol. 93v

юноши совершает царский меченосец, символизируя тем самым справедливое возмездие. Другой человек протягивает Давиду корону Саула. Но царь, сложив руки на груди (и это также единственный в своем роде жест в каролингской иконографии), демонстративно отворачивается вправо, дистанцируясь и от короны, и от сцены казни, в сущности, от насилия, пусть и справедливого.

Подчеркну еще раз, описанная интерпретация символики меча характерна для иллюминированных рукописей, вышедших прежде всего из реймской мастерской. На миниатюрах из другого культурного пространства, как мы видели на примере изображения в Псалтыри Лотаря, правило отделения короля от его меча уже не соблюдается [25].

Вернемся к событиям осени 833 года в Компьене. Церемонией детронизации руководил архиепископ Реймса Эббон, куратор Утрехтской Псалтыри и Псалтыри

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может рассказать каролингская книжная миниатюра | 13
графа Генриха, где находятся изображения неправедных государей. С большой долей уверенности можно говорить о том, что идея принудить Людовика отказаться от своего меча принадлежала именно ему. Ибо меч в руках грешника на троне одинаково опасен и для него самого, и для его подданных.

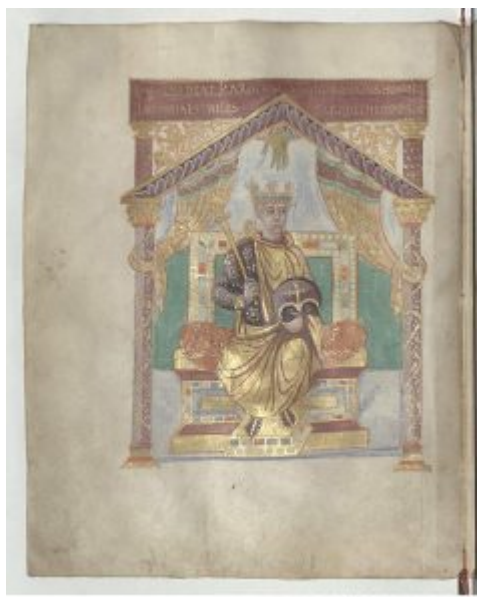
Завершая разговор о короле и его мече, коснемся еще одной важной серии изображений. В Псалтыри Карла Лысого (придворная школа, 842-869 гг.) мы видим короля во всем его сакрально-духовном облачении — восседающим на троне, в короне, мантии, с державой и

скипетром, но (и это тоже уникальный случай) вовсе без меча и даже без меченосца рядом! [26]

Надпись сверху (*Cum sedeat Karolus magno coronatus honore / Est Josiae similis parque Theodosio*) уподобляет короля франков библейскому царю Осии (при котором народ Божий при посредничестве Моисея получил от Бога его Закон и который оберегал этот Закон) и уравнивает его с императором Феодосием (в каролингскую эпоху в этом образе нередко совмещались два персонажа — автор популярного кодекса и современник Амвросия Медиоланского).

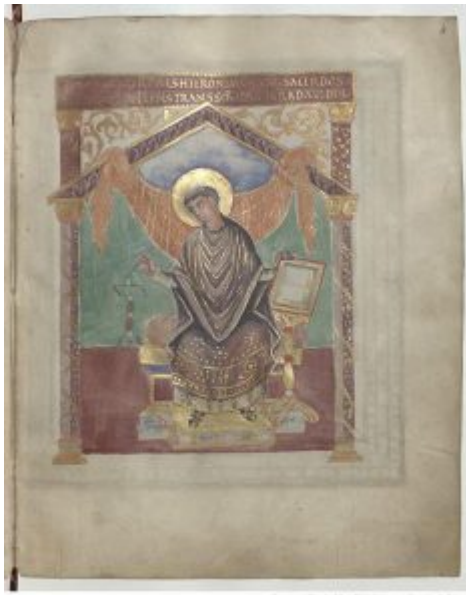
Карл в этой сцене не одинок. В роли его визави на fol. 4r выступает святой Иероним, занятый переводом законов (псалмов) Давида, о чем недвусмысленно говорит надпись сверху изображения (*Nobilis interpres Hieronimus atque sacerdos / Nobiliter pollens transscripsit iura Davidis*). Кстати, изображением самого Давида (fol. 1v) открывается кодекс. Таким образом, Карл последовательно позиционируется в качестве преемника совершенно определенных библейских царей и римских императоров, выступая в образе слуги Господа и благочестивого блюстителя его законов на земле.

Но в иконографии Псалтыри выражена и другая идея: невозможно быть добрым (идеальным) правителем без покаяния. И Осия, и Феодосий, как известно, каялись (первый перед пророчицей Хульдой, второй — перед святым Амвросием). Равным образом каялся и Давид (перед Натаном), автор законов (*jura*), которые переводит (или, если угодно, интерпретирует) Иероним и намерен блюсти Карл. Мастер не преминул напомнить адресату рукописи о покаянии Давида, поместив



*Карл Лысый смотрит на св.
Иеронима, fol. 3v*

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может



Св. Иероним переводит
законы Давида, fol. 4r

рассказать каролингская книжная миниатюра | 14 соответствующее изображение на костяную дощечку последней обложки кодекса. Давид предстает здесь в образе простого мирянина. Он лишен всех атрибутов светской власти, в том числе и меча, разве что стоит под треугольной аркой, которая символизирует дворец. Пророк изображен в проеме полукруглой арки, загораживая руками и телом вход внутрь какого-то здания. Думаю, не ошибусь, если предположу, что это церковь. Таким образом, художник предельно наглядно формулировал принципиально важную для западнофранкских епископов идею: государь, совершивший грех не как человек, но как правитель, не может войти в церковь без покаяния, а значит, не может блюсти Закон и совершать свое служение (*ministerium*), ведя христианский народ к спасению.

Давно замечено, что каролингский епископат стремился установить такие отношения с королем, которые воспроизвели бы отношения государства и церкви эпохи Феодосия и святого Амвросия и, в свою очередь, эпохи Давида и Натана [27]. Грех Давида (соблазнение Вирсавии) рассматривался как наглядный пример злоупотребления властью. И покаяние представлялось единственным решением проблемы. Напомню, что Людовик Благочестивый полностью разделял такую точку зрения. Более того, именно он, единственный из Каролингов, попробовал воплотить ее в жизнь. В 822 году в Аттиньи он по собственной инициативе публично покался (подражая Феодосию!) в том, что стал невольным виновником гибели своего племянника Бернарда Итальянского [28]. В 833 году ситуация была иной. События в Компьене, но еще больше — в Сен-Дени показали, что этот идеал можно реализовать только при взаимном непротивлении сторон. При Карле Лысом епископы уже не дерзали равнять себя с библейскими пророками, но лишь мягко напоминали королю о высоком долге. Как бы то ни было, рассмотренная выше иконография Псалтыри фиксирует принципиально важный момент в контексте нашей темы: покаяние и королевский меч несовместимы. Они не могут присутствовать в одном пространстве, неважно, художественное оно или реальное.

Итак, вернемся к началу. Драматургия произошедшего в Компьене, вполне оригинальная сама по себе, строилась вокруг идей, которые, насколько мы можем

Александр Сидоров. Книга в каролингской культуре. Что может
рассказать каролингская книжная миниатюра | 15
судить, никогда не были точно сформулированы в каком-то одном тексте или каким-то
одним человеком. Правильнее говорить о комплексе представлений о власти, следы
которых можно обнаружить в разных источниках, в том числе в каролингской книжной
миниатюре. Более того, именно она позволяет восполнить многие информационные
лакуны, оставленные письменными текстами. Не приходится сомневаться, что
современники хорошо понимали ее дидактическую и пропагандистскую ценность.
Недаром епископы так настойчиво создавали ценнейшие иллюминированные
рукописи, предназначенные только для одного читателя. Ведь короли обращались к
Библии куда чаще, чем к любому зеркалу.

Источник — по прежнему «Постнаука». Они там вообще большие молодцы.

Примечания:

1. Об Эббоне Реймском подробнее см.: McKeon P.R. Archbishop Ebbo of Reims (816-835). A Study in the Carolingian Empire and the Church // Church History (American Society of Church History). 1974. № 43. P. 437-477; Depreux Ph. Prosopographie de l'entourage de Louis le Pieux (781-840). Sigmaringen, 1997. P. 169-174; Schrör M. Aufstieg und Fall des Erzbischofs Ebo von Reims // Streit am Hof im frühen Mittelalter. Bonn, 2011. S. 203-221.
2. Episcoporum de poenitentia quam Hludowicus imperator professus est, relatio Compendiensis // MGH. Capitularia regum Francorum. Hannover, 1897. T. II. P. 51-55.
3. Ср.: In quo conventu multa in dominum imperatorem crimina confinxerunt <...> Et tam diu illum vexaverunt, quousque arma deponere habitumque mutare cogentes, liminibus ecclesiae pepulerunt (Annales Bertiniani, 833 // MGH. SSrG in us. schol. Hannover, 1883. P. 7). О событиях в Компьене также см.: Agobardi Cartula de poenitentia ab imperatore acta // MGH. Capitularia regum Francorum. Hannover, 1897. T. II. P. 56-57; Astronomus. Vita Hludowici imperatoris, 49; Thegan. Gesta Hludowici imperatoris, 44 (Thegan. Gesta Hludowici imperatoris / Astronomus. Vita Hludowici imperatoris // MGH SSrG in us. schol. Hannover, 1995)
4. Thegan, 44
5. Deposita arma manu propria et ad crepidinem altaris proiecta (Agobardi Cartula ... P. 57)
6. Показательно, что Нитхард, довольно скупой на описания событий 833–834 годов, упоминая о восстановлении Людовика на троне, обращает внимание именно на это обстоятельство: coronam et arma regi suo inponunt (Nithardi Historiarum libri III (I, 4) // MGH SSrG in us. schol. Hannover, 1907. P. 6). Равным образом Фульдские анналы описывают всю историю с низложением и восстановлением Людовика в категориях отнятия и возвращения оружия: iudicio episcoporum arma deposuit, et ad agendam poenitentiam inclusus est; Proxima aestate ipse relaxatus, arma resumpsit (Annales Fuldenses, 834 // MGH SSrG in us. schol. Hannover, 1891. P.

27)

7. Imperator <...> in ecclesia S. Dionisii episcopali ministerio voluit reconciliari; et per manus episcoporum armis consensit accingi (Astronomus, 51)
8. Прежде всего, см.: Флори Ж. Идеология меча. СПб., 1999. О важности меча в ряду прочих королевских инсигний в каролингскую эпоху подробнее см.: Le Jan R. Frankish Giving of Arms and Rituals of Power: Continuity and Change in the Carolingian Period // *Rituals of Power. From Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Leiden, 2000. P. 281-309
9. По сообщению Тегана, именно так поступил Людовик Благочестивый в 813 году во время коронационных торжеств в Аахене (Thegan, 6). Напротив, Эйнхард утверждает, что корону на голову Людовика возложил Карл Великий (Einhard, 30). В данном случае важно, что оба автора, будучи людьми церкви, ничего не говорят об активном участии священников в этой важной процедуре.
10. Об этом сюжете в целом подробнее см.: Alibert D. *Les Carolingiens et leurs images. Iconographie et idéologie*. Lille, 1995. Также см.: Garipzanov I. N. *The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (c. 751 — 877)*. Leiden; Boston, 2008. P. 224-260; Poilpré A.-O. *Maiestas Domini: une image de l'Église en Occident, Ve-IXe siècle*. Paris, 2005. P. 261-270
11. Первым в искусстве Западной Европы изображением современного государя считается изображение Людовика Благочестивого в рукописи Vatican, Reg. Lat. 124 (fol. 4v) с сочинением Рабана Мавра «О восхвалении креста». Рукопись была создана в Меце около 835 года, вероятно, вскоре после восстановления Людовика на троне. См.: Caillet J.-P. *L'art carolingien*. Paris. 2005. P. 194-196
12. Сегодня «портретными» считаются некоторые изображения Лотаря I и Карла Лысого. См.: *Trésors carolingiens. Livres manuscrits de Charlemagne à Charles le Chauve*. Paris, 2007. P. 32-33. Против этой точки зрения выступает Кайе, полагающий, что речь идет скорее об идеальных типах: Caillet J.-P. *Op. cit.* P. 170
13. Соответствующие описания см.: Einhard, 23; Thegan, 19
14. London, British Museum, Add. 37768, fol. 4r
15. Характерно, что такая установка связана именно с мастерскими, а не с адресатами их продукции. Аналогичную картину мы видим, например, в Четвероевангелии Лотаря I, изготовленном для императора в Туре около 850 года: Paris, BN lat. 266, fol. 1v. Напомню, что Тур находился в зоне влияния Карла Лысого, таким образом, речь идет о выполнении турскими монахами внешнего заказа.
16. Paris, BN lat. 1, fol. 423r
17. München, Bayerische Staatsbibliothek, Clm. 14000, fol. 4v
18. Roma, San Paolo fuori le Mura, fol. 1r
19. Подробнее о королевской этике в каролингскую эпоху см.: Anton H.N. *Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit*. Bonn, 1968. S. 404-418; Anton H.N. *Fürstenspiegel der frühen und hohen Mittelalters*. Darmstadt, 2006. Также см.: Ненарокова М.Р. Средневековый путь к идеальному мироустройству (писатели эпохи Каролингов о государстве и власти) // *Соловьевские исследования*. 2015. Вып. 3 (47). С. 170-184

20. Rex a recte agendo vocatur. Si enim pie et iuste et misericorditer regit, merito rex appellatur; si his caruerit, non rex, sed tyrannus est (Concilium Parisience 829, cap. 55 // MGH. Concilia aevi Karolini. Hannover, 1908. T. II. Ps. 2. P. 649)
21. Флори Ж. Указ. соч. С. 129-130
22. Utrecht, Bibliotheek der Rijksuniversiteit, Cat. Cod. Ms. Bibl. Rhenotraiectinae 1, n. 32. О художественных приемах изображения дурных королей в каролингском искусстве подробнее см.: Alibert D. Pêcheur, avare et injuste: remarques sur la figure du mauvais roi à l'époque carolingienne // Le monde carolingien: bilan, perspectives, champs de recherches. Turnhout, Brepols, 2009. P. 121-142
23. Troyes, Trésor de la cathédrale, ms. 12, fol. 41v-42r
24. Показательно, что Доминик Алибер, один из лучших знатоков каролингской книжной миниатюры, также не заметил отсутствия меча в ножнах меченосца за спиной Олоферна и, соответственно, никак не прокомментировал этот сюжет. См.: Alibert D. Pêcheur, avare et injuste... P. 130
25. Другой пример находим в так называемой Золотой Псалтыри, созданной в Санкт-Галлене между 883 и 900 годами: St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 22. Пленный Давид, приведенный к Абимелеху, изображен подпоясанным мечом (P. 75). Более того, меч в данном случае является единственным «королевским» атрибутом Давида
26. Paris, BN lat. 1152, fol. 3v
27. Werner K.F. Hludovicus Augustus. Gouverner l'empire chrétien - Idées et réalités // Charlemagne's Heir: New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814-840) / Ed. P. Godman and R. Collins. Oxford, 1990. P. 55-67
28. Imitatus Theodosii imperatoris exemplum, penitentiam spontaneam suscepit <...> que adversus Bernhardum nepotem gesserat proprium (Astronomus, 35)